

О КРИТЕРИЯХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

СИНЕЛИНА Юлия Юрьевна - младший научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН.

На протяжении последних десяти - пятнадцати лет довольно часто проводились опросы, цель которых - выявление характера религиозного мировоззрения наших соотечественников. Наибольший интерес представляют исследования, сопровождающиеся анализом полученных данных. Число респондентов, называющих себя верующими, а в их ряду - православными, достаточно велико. Вполне естественно, что социологи не доверяют самоидентификации респондентов и пытаются определить истинное число верующих различными методами, зачастую спорными. Используемый социологический инструментарий позволяет идентифицировать в качестве "настоящих православных" от 0 до 6% респондентов (по самоидентификации до 60% опрошенных, при положительном отношении к православию до 80%) [1-4]. Полученные результаты без доли сомнения предаются широкой огласке как факт: публикуются в газетах, журналах и научных изданиях, Интернете, фигурируют в аналитических записках. Интерпретация данных используется для глобальных выводов: например, идет ли у нас в стране процесс религиозного возрождения? Как правило, ученые склоняются к тому, что наступает пора религиозной эклектики. Делаются политические выводы: а на что, собственно, может претендовать Православная Церковь при таком количестве православных?

Не все интерпретации полученных данных представляются адекватными. В нашу задачу входит критический обзор наиболее показательных в этом отношении опросов общественного мнения, касающихся религиозного мировоззрения, и методик определения истинных религиозных убеждений респондентов. Основной вопрос: правильно ли определяется истинное число верующих и можно ли его определить вообще? Мы коснемся, главным образом, проблемы идентификации респондентов, называющих себя православными верующими, но при этом слабо знающих догматику, мало посещающих церковь, редко причащающихся. Одной из главных претензий проводящих опросы является несоответствие религиозного мировоззрения респондентов требованиям православной веры. Делаются выводы о том, что в умах респондентов господствует "идейная эклектика" и "религиозный синкретизм", а потому они не могут быть признаны истинными православными. Представляется, что ужесточение выборки "традиционно верующих" по указанному основанию неправомерно. Выясняется, что зачастую социологи слабо представляют или неправильно интерпретируют отношение Церкви к определенным явлениям.

Перейдем к анализу данных, полученных в опросах. Т. Варзанова, ведущая религиозный блок в Центре социологических исследований МГУ им. М.В. Ломоносова, проводящем ежегодные с 1993 г. телефонные опросы в Москве, полагает, что имеет место как рост религиозности населения, так и противоречивость, эклектичность сознания современных верующих. Окультизм, вера в колдовство, по ее мнению, - сопутствующие элементы обыденного религиозного мировоззрения. Действительно, по данным телефонных опросов в 1993—1996 гг. в колдовство, спиритизм, астрологию верили не меньше, а то и больше опрошенных москвичей, нежели в христианские дог-

маты, причем речь идет об одних и тех же респондентах. По результатам июньского исследования 1996 г. (телефонный опрос, N = 1000) к православному себя отнесли 66,2% опрошенных (половина из них - 36,4% - "определенно верующие"). Среди них 42% верят в бессмертие души; 41,5% - в Воскресение Иисуса Христа; 40% - в Божий суд; 38,7% - в спасение души для вечной жизни; 32,2% - в существование дьявола, сатаны; 31% - в загробную жизнь; 21% - в приход антихриста; 18% - в конец света. При этом 47% верят в колдовство, порчу, дурной глаз [1].

По сравнению с 1993 г. наиболее заметно (на 5%) возросла вера в колдовство, существование дьявола и бессмертия души. Меньше всего верят в колдовство малообразованные респонденты. По мнению Т. Варгановой, в отличие от людей преклонного возраста молодежи не свойственно критическое мышление — она впитывает как религию, так и магию, оккультизм. Считают себя "определенно верующими" и посещают церковь в течение года, соответственно: среди респондентов в возрасте 18-24 лет 48 и 81%; среди респондентов в возрасте старше 55 лет 34 и 67%. При этом верят в колдовство, порчу, дурной глаз; предсказания астрологов; общение с духами (спиритизм), соответственно: среди респондентов в возрасте 18—24 года 62,7; 35,6 и 28%; среди респондентов старше 55 лет 31,4; 17,4 и 8,5%.

Т. Варзанова приходит к выводу, что "вера в колдовство, гороскопы, общение с духами - более искренняя и убежденная, чем в христианские догматы, ибо каждый респондент готов был обосновать свою веру, порицаемую Церковью как суеверие, дьявольщину, примером из личного опыта. В то же время вера в христианские догматы предстает, скорее как вынужденная... реальное состояние массового религиозного сознания, зафиксированное социологическими опросами, оказалось весьма далеким от идеала, предписанного "Православным Символом веры", в котором сконцентрированы догматы и религиозные представления, запечатленные в живых образах Библии, Евангелия, в сюжетах икон, церковных праздниках, то есть все то, что знают простые верующие, даже и не слышавшие о Символе веры" [там же]. Естественно, перед исследовательницей встает вопрос о причинах подобного положения.

Сходные данные получены ВЦИОМ в мониторинге (июль 1998 г., 2407 опрошенных по общероссийской выборке). Неверующие составили 38%; своим вероисповеданием считают: православие - 47%; католицизм - 0,1%; ислам — 2,3%; иудаизм — 0,2%; другое - 0,8%; не знают - 12%. В экспресс-опросе ВЦИОМ (апрель 1997 г., 1578 опрошенных по общероссийской выборке) согласны со следующими утверждениями: "Бог - высшая личность" - 42%; "Верите в бессмертие души" - 39%; "Верите в спасительную силу молитвы, обряда" - 37%; "Верите в существование Рая" - 22%; "Верите в существование Ада" - 22%; "Верите во второе пришествие Христа" - 19%; "Бойтесь греха" — 36%; нет ответа - 25%. В другом экспресс-опросе того же фонда (декабрь 1998 г., 1600 опрошенных по общероссийской выборке) согласны/не согласны с утверждениями: "Верите ли вы в приметы?" — "Да" — 56%, "Нет" — 36%, "Не знаю" — 8%; "Верите ли вы предсказаниям астрологов?" - "Да" — 30%, "Нет" — 55%, "Не знаю" - 15%; "Верите ли вы, что инопланетяне появляются на Земле?" - "Да" - 27%, "Нет" - 49%, "Не знаю" - 24% [5].

Обратимся также к результатам исследований Д. Фурмана (проект осуществлялся в рамках Всемирной программы изучения ценностей — World Values Survey — единой системы опросов, проводящихся с 70-х годов XX в. в разных странах мира). По данным, полученным в марте-апреле 1996 г. финско-российской исследовательской группой (всероссийская выборка, N = 1664), верят в бога 47% респондентов. При этом идентифицируют себя как верующих 34% [2, с. 35-52] (часть тех, кто отвечает "да" на вопрос о вере в Бога, тем не менее, идентифицирует себя как "колеблющихся" или даже "неверующих").

Дополнительный свет на "мировоззренческую реальность", скрывающуюся за декларируемой верой в Бога, с точки зрения Д. Фурмана, проливают следующие ответы: 38% "верующих" представляют Бога как Личность, а 40% - как "жизненную силу"; 45% верят в загробное существование души; 20% - в воскрешение мертвых;

52% - в рай, 46% — в ад; 49% "верующих" согласились с тем, что "жизнь имеет смысл потому, что есть Бог". При этом 30% "верующих" верят в переселение души и 41% - в астрологию (в выборке в целом соответственно 20 и 37%). Посещение церкви не реже раза в месяц по данным финско-российского исследования в 1991 г. зафиксировано на уровне 6%, а в 1996 г. - 7%; среди "верующих" - на уровне 18%. Данные исследования 1990-1992 гг. показывали посещаемость церкви на уровне 9—10%, среди верующих — 21%.

При анализе данных опроса 1996 г. [2] была предпринята попытка выделить группу более или менее "серьезных", "настоящих" верующих, которых исследователи определили как "традиционных верующих". Это респонденты, одновременно дающие положительный ответ на вопрос "Верите ли вы в Бога" (47% опрошенных), идентифицирующие себя как верующих и как православных (33% всех опрошенных при 3% лиц — представителей иных религий и конфессий и 64% не знающих, как себя определить), видящие в Боге личность, а не силу (15%), а также, по их словам, часто молящиеся (13%). Таких у Д. Фурмана набралось всего 4%. Да и их "ортодоксальность" при ближайшем рассмотрении представляется ученому несколько сомнительной. Так, среди них только 65% верят в загробное существование души, 44% - в воскрешение мертвых, зато 29% - в астрологию и 41% - в переселение душ. Если в незначительной степени "ужесточить" критерий включения в категорию "традиционных" верующих, она просто исчезла бы из выборки. По мнению Д. Фурмана, не религия побеждает атеизм в России, но религия и атеизм отступают перед ростом мировоззренческой неопределенности и идейной эклектики, которая включает в себя веру в "переселение душ" и астрологию, уфологию, "энергетических вампиров", колдунов, шаманов и т.д., образуя в сознании неструктурированные, не объединенные в логическую систему, постоянно меняющие свои составные элементы неустойчивые соединения [2].

Рассмотрим более подробно те критерии, по которым социологи определяют характер религиозного мировоззрения респондентов. Мы для удобства разбили их на три группы: 1) знание основных церковных догматов, молитв и Библии; 2) вера в магию, колдовство, астрологию, спиритизм, реинкарнацию; 3) посещение храма и причащение.

Для начала обсудим то, что касается знания догматики (представления о Боге, загробное существование души, вера в воскрешение мертвых, ад, рай), а также знания Библии и молитв. Зададимся вопросом: сколько бы получилось настоящих православных в дореволюционной России, если бы исследование опиралось на описанные выше подходы. По официальной статистике за 1897 г. в категорию религиозных людей попадали все 100% населения страны. При этом православных было 69,9% [6]. Для статистики состояние религиозности определялось не собственно убеждениями людей, а формально-юридической принадлежностью подданных к тому или иному вероисповеданию по рождению и крещению или соответствующим крещению обрядам в нехристианских религиях. Однако есть сведения, что в конце XIX в. достаточно большое число крестьян имело вполне языческие представления о Боге. И это логичное следствие проводимой в то время синодальной политики в отношении религиозного образования крестьянства. Библии крестьяне не читали, поскольку были в основном неграмотны, да и полный перевод ее на русский язык появился только к 1875 г. Обер-прокурор Святейшего Синода К. Победоносцев внушал русскому духовенству, что "богословие" не принадлежит к существу "русского православия", то есть русской "простой" и народной веры, ибо массы этого "простого народа" спасаются без всякого богословия и надежней, чем умствующие и пытливые чрез меру интеллигенты. Вера "сдвигалась" таким образом и снижалась до уровня безотчетных чувств и благочестивых настроений [7, с. 422]. Для К. Победоносцева религиозная жизнь народа, оставленного самому себе, неученого, была загадкой, таинством. "Спрашиваешь себя: откуда вытекает она? — и когда пытаешься дойти до источника — ничего не находишь. Наше духовенство мало и редко учит, оно служит в церкви и исполняет требы. Для людей неграмотных Библия не существует; остается служба церковная и

несколько молитв, которые передаваясь от родителей к детям, служат единственным соединительным звеном между отдельным лицом и церковью. И еще оказывается в иных, глухих местностях, что народ не понимает решительно ничего ни в словах службы церковной, ни даже в "Отче наш", повторяемом нередко с пропусками или с прибавками, отнимающими всякий смысл у слов молитвы (Г. Флоровский считал, что таковых среди молящейся массы было достаточно много [7, с. 411]). И однако - во всех этих невоспитанных умах воздвигнут... неизвестно кем алтарь Неведомому Богу. Когда приходит смерть, эти люди, коим никто никогда не говорил о Боге, отверзают ему дверь свою, как известному и давно ожидаемому Гостю. Они в буквальном смысле отдают Богу душу" (К. Победоносцев разделяет точку зрения, согласно которой истина постигается не разумом, но верою, "стоящею выше всех теоретических формул и выводов разума". Наиболее ценное для человека открыто в глубине воли) [8, с. 268-269]. Таков образец религиозного мировоззрения конца XIX века, которое неожиданным образом совпадает у неграмотных крестьян и образованнейшего человека.

Мы далеки от утверждения о том, что незнание богословских тонкостей, основ догматики и уж, тем более, Библии или текста молитв - это хорошо. Речь о том, что это незнание не означает, что крестьяне не были православными верующими. Как видим, подобное незнание не считалось помехой истинной религиозности, которую, кстати, можно и "не заметить": "Если формы, в которых простые люди выражают свою веру в живого Бога, иногда смущают нас, - подумаем, не к нам ли относится заповедь Божественного Учителя: "Блюдите, да не презрите единого от малых сих верующих в "Мя" [8, с. 284].

Следует отметить и сложность христианской догматики. Практически за каждым словом "Символа веры" стоят века споров, раздоров, войн, распад и гибель государств, жизни людей. Выработывали этот документ люди высочайшей духовности и неординарного интеллектуального уровня. Нет ничего удивительного в том, что современные российские верующие, лишенные религиозного воспитания, испытывают трудности в понимании таких догматов, как личностность Бога, Троица, Воскресение Христово, бессмертие души, Божий Суд и т.д. Вера в Воскресение Христа - "элинам безумие, иудеям соблазн" (1 Кор. 1 : 23) - за пределами человеческой логики. Кроме того, догмат есть имманентизация трансцендентного содержания религии, и это влечет за собой ряд проблем. В слове нельзя выразить всю полноту религиозного переживания. Помимо этого существует общая неадекватность религиозных понятий тому, что они призваны выражать: в понятиях эмпирического мира (числовых, временных, пространственных) богословы вынуждены говорить о сущностях мира трансцендентного. "Для многих эта заведомая неадекватность категорий разума предмету религии служит мотивом догматического агностицизма. Опытное происхождение догмата, делаая его неуязвимым для критики рассудочного познания, в то же время ведет к тому, что его выражение в понятиях порождает противоречия и нелепицы с точки зрения рассудочного мышления... почти все основные догматы христианства... вызывают трудности у тех, кто рассудочную проверку считают высшим и единственным критерием истины" [9, с. 65—66]. С этой позиции проще поверить в магию. Недаром Дж. Фрезер называл магию (которая, по его мнению, является "поистине всеобщей, вселенской верой" [10]) первобытной наукой и противопоставлял и то и другое религии. Думается, мало кто может вполне проникнуть в глубинную суть христианской догматики.

После 1917 г. никто не учил россиян Закону Божию, катехизису. Люди честно отвечают на вопрос о понимании догматов, - составляющих суть христианства, - о Воскресении Христа, спасении души, Божьем суде, - по крайней мере, они об этом задумываются. Неизвестно, что лучше: автоматическое повторение слов без вникания в их суть или искреннее признание в непонимании. Главное заключается, на наш взгляд, в том, чтобы возникло желание приложить усилие и разобраться в этой сложнейшей области. Представляется, что нет ничего неправославного и в том, что

больше половины опрошенных не верит в эти догматы или затрудняется ответить. А также в том, что отвечая на вопрос о вере в христианские догматы, респонденты откровенно сообщают, что их положение верующих как бы обязывает их верить. Думается, правильным было бы воспринимать догматы как вехи, поставленные на пути правильно идущей религиозной жизни, нормального ее развития, как иероглифы религиозных тайн, раскрывающихся лишь в религиозном опыте и в меру этого опыта. По мнению С.Н. Булгакова, основным представляется минимальный опыт веры, встречи Бога с человеком в живом личном опыте: религиозный "опыт каждого отдельного человека не дает ощутить всю полноту религии, однако бывает достаточно живого касания к религиозной реальности, которое дается верою, в одном только месте, и тогда принимается как постулат, как надежда, как путь, и все остальное содержание религии, все ее обетования. Кто однажды встретил Христа Спасителя на своем личном пути и ощутил Его божественность, тот одновременно принял и все основные христианские догматы - и о рождении от Девы, и о боговоплощении, и о пришествии во славе, и о пришествии Утешителя, и о Св. Троице. Поэтому совершенно нет нужды каждому в своем личном опыте веры иметь все содержание данного религиозного учения, подобно тому как нет необходимости для того, чтобы постигнуть природу науки, пройти весь научный путь человечества в своем личном опыте, достаточно познать ее на любом частном случае" [9, с. 55].

И может быть прав безымянный социолог-прикладник, упомянутый в статье А. Морозова "Сколько православных в России", который говорит, что "если девочка-студентка не знает наизусть "Отче наш" и Символ веры, но не материалистка и в трудную минуту жизни идет не в мечеть, не в кирху, не в синагогу, а в православный храм, - то она православная" [11].

Перейдем к другой теме, а именно к приписыванию большинству опрошенных, в том числе значительной части верующих, религиозного эклектизма и синкретизма, языческого полидемонизма на том основании, что достаточно большой процент опрошенных верит в колдовство, порчу, дурной глаз, астрологию, спиритизм, телепатию, реинкарнацию. На указанном основании тем, кто называет себя верующими, практически отказано в праве идентифицировать себя как православных. И этот взгляд представляется нам неадекватным. Выше мы рассмотрели отношение верующих к догматам Православной церкви. Попытаемся ответить на поставленный Т. Варзановой вопрос: "почему почти половина христиан верит в осуждаемые Церковью колдовство, оккультизм (то есть пособничество дьяволу)"? Рассмотрим эту проблему на двух уровнях. Низовой уровень - уровень массовых представлений, уровень обывателя. Верхний уровень - уровень продвинутых интеллектуалов.

На нижнем уровне (массовых представлений) вера в примитивную магию сохранялась на всем протяжении истории человечества. Христианство всегда сопровождалось суевериями. Средневековые российские крестьяне, без сомнения, были суеверны - они, так же как и современные верующие, верили в приметы, помнили и, не задумываясь, исполняли языческие обряды на Святки, Масленицу, Ивана Купалу - но при этом они все же были христианами, сами считали себя таковыми. От Церкви за исполнение указанных обрядов их не отлучали. Русская литература содержит свидетельства того, что русские дворяне также не брезговали гаданиями накануне Крещения.

Средневековые христиане безусловно верили в колдовство, в существование колдунов и колдуний верила и Церковь. Католическая Церковь верила настолько, что боролась с ними огнем и мечом Инквизиции. Что подразумевается под колдовством в социологических опросах - способность наносить другому человеку вред или способность показывать чудеса, как это, например, делают индийские факиры, или что-то другое? И что значит верить в колдовство: признавать, что оно возможно, что оно существует? Или подразумевается нечто иное, например обожествление конкретного колдуна, вера в то, что колдовство всесильно? Относительно колдовства в Священном Писании говорится во многих местах, и оно строго воспрещается как в Ветхом, так и в

в Новом Завете (Лев. XIX 26, 31; 1 Цар. XXVIII 3, 4-14; Деян. VIII 9-11). Мы не найдем в данных источниках указаний на несуществование такого явления. Признание возможности колдовства не противоречит христианской идеологии - если верить в существование дьявола, то почему же не верить в его козни? Однако церковное учение никогда не допускало мысли, что дьявол может принуждать человека ко злу без собственного его (человека) соизволения, что подразумевает активное действие человека. Апостолы боролись с волхвами, которые были в т.ч. колдунами. Церковь осуждает не веру в колдовство, в возможность общения с духами, а участие в колдовстве и общении с духами, индивидуальное действие, что означает, с ее точки зрения, пособничество дьяволу. Церковь также не отрицала возможности общения с бесами (именно так трактуется Церковью общение с духами). Для Церкви подобные явления - реальность. Церковные источники предлагают немало свидетельств святых, искушаемых духами зла.

Не стоит делать открытия и из живучести веры в магию. Что касается экстрасенсов и астрологов, в церкви появился обряд отказа от этих видов деятельности, как от некоего рода бесовства, и можно не сомневаться в том, что Церковь признает их существование и реагирует на него. Так что в анкете, скорее, следовало бы ставить вопрос так: составляете ли вы гороскопы, читаете ли вы гороскопы? Представляется, что все эти явления, сопровождающиеся интересом доверчивых граждан, запущены в оборот прежде всего СМИ, в том числе газетами и телевизионными каналами, имеющими, вероятно, материальную выгоду от преподнесения публике соответствующих материалов. Следует отметить, что до недавнего времени объем телевизионного времени, посвященного оккультным программам, был гораздо больше объема времени, посвященного православным передачам.

Что касается спиритизма, Церковь признает существование злых духов (бесов). Согласно Евангелию, Христос занимался их изгнанием, лечил одержимых. Существует практика экзорсизма. В трудах американского православного монаха С. Роуза многие явления этого порядка (уфология, чудеса индийских факиров, спиритизм, разные подвиды оккультизма и т.д.) объясняются искушением бесовских бесплотных сил. Очевидно, что признание существования разного рода "нечистой силы" не противоречит православному мировоззрению [12]. Спиритизм осуждается именно как общение с бесами.

О целительстве. Явления чудесного исцеления с помощью святых икон, мощей неоднократно засвидетельствованы в церковной истории. Святые также исцеляли, предсказывали будущее, общались на расстоянии - и это зафиксировано во многих житиях. Или все это тоже попадает в область мистики, недостойной православных верующих? Может ли православный христианин верить в способность отдельных людей предсказывать будущее, возможность телепатии или нет? Или он должен в каких-то случаях верить, а в других нет?

Итак, подобного рода "эkleктизм" религиозного мировоззрения, который и эkleктизмом назвать сложно, существовал в сознании людей всегда на протяжении исторически обозримого прошлого, хотя составляющие данного феномена менялись в зависимости от исторического времени, образования людей и даже уровня их жизни. По нашему мнению, неправомерно исключать "эkleктиков" и "синкретиков" из числа православных верующих, если они считают себя таковыми.

Рассмотренными выше примерами, на наш взгляд, иллюстрируется дефицит знаний в области церковного учения в среде самих социологов, проводящих опросы. Можно говорить о том, что вопросы о вере в описанные явления в вышеупомянутых исследованиях поставлены некорректно. Прямая постановка вопроса о вере в данные явления допустима в случае необходимости выявления прочности атеистических воззрений. Само понятие веры в такого рода явления допускает различные толкования, несет многозначную смысловую нагрузку, что приводит к путанице и неопределенности в анализе результатов опросов.

Верхний уровень продвинутых интеллектуалов характеризуется специфическим

"религиозным синкретизмом". Эти люди, как правило, интересуются религиозной проблематикой, много знают, много читают о различных религиях. Некоторые из них имеют некоторый мистический опыт, и вовсе необязательно христианский. На основе своих знаний, личного опыта и пристрастий они считают возможным составить для себя некий индивидуальный набор представлений. Можно привести в пример теософские взгляды Блаватской, антропософские Штайнера или рериховское учение. Вот, например, что писал Л.Н. Толстой: "прежде всего надо поверить в разум, а потом отбирать из писаний, и еврейских, и христианских, и магометанских, и буддийских, и китайских, и светских современных, - все, что согласно с разумом, и откидывать все, что не согласно с ним" [цит. по 7, с. 405]. Но такие люди тоже обращаются в христианство. (В нашей стране немало людей, увлекавшихся в свое время йогой, а потом принявших христианство.) Многие из них могут сочетать христианство с верой в реинкарнацию, с медитациями, с упражнениями из даосской практики, особенно на первом этапе христианской жизни. Безусловно, с точки зрения христианской догматики — это вопиющая религиозная безграмотность. Но даже это, по нашему мнению, не может служить основанием, чтобы отказывать людям в праве именовать себя православными, если они так себя определяют, поскольку эти люди на пути к целям, установленным Церковью (целям, которые они сами для себя обозначили, назвав себя православными), находятся в процессе духовного самосовершенствования. Не говоря уже о том, что, с точки зрения Православной Церкви, человек может обратиться и покаяться в самый последний момент своей жизни и может быть принят и прощен.

И, наконец, рассмотрим вопросы посещения храма и причащения. Для начала отметим, что ситуация с количеством функционирующих церквей в нашей стране оставляет желать лучшего. Даже в Москве, где самое большое число действующих церквей на одного жителя, в главные церковные праздники в храмы не пробиться. Особенно это касается "спальных" районов, где на Пасху, например, власти вынуждены устраивать милицейские кордоны во избежание давки и беспорядков. Во многих достаточно крупных промышленных городах Подмосковья церквей нет вообще или они находятся далеко от города. Хорошо, если в старых городах они сохранились - в советское время храмы, как известно, уничтожались. Далеко не везде в крупных городах сохранились кафедральные соборы. Наиболее распространена ситуация, когда в большом городе всего одна-две небольшие действующие церкви. Если церквей в городах и поселках нет, выход состоит в том, чтобы ездить в районные и областные центры. И тут нужно учитывать факторы расстояния между населенными пунктами, оснащенности транспортом, цен на него (особенно в последние годы), уровня жизни в восточной части страны. В таких условиях трудно посещать храм не реже одного раза в месяц. Относительно недавнее путешествие епископов по Енисею показало, что в некоторых отдаленных городах и поселках священников не видят годами. В целом священников не хватает. Сходные проблемы стоят также и перед причащающимися. С указанными трудностями Церковь не может быстро справиться.

Конечно, есть и другие причины низких показателей посещаемости церкви и количества постоянно причащающихся. Можно назвать отсутствие навыка, опыта церковной жизни, отсутствие готовности отказаться от привычек, сложившегося образа жизни, от прежних дружеских связей. У людей два выходных, но прихожанин должен в субботу отменить все увеселительные мероприятия и сосредоточиться на молитве, на подготовке к причастию, а в воскресенье встать рано утром. Проще, если человек причащен к этому с детства. Нет ничего удивительного в том, что у нас, по сведениям Д. Фурмана [2, с. 37-38], один из самых низких в Европе уровней посещаемости храма. В России выросло несколько поколений людей, не знающих, что в воскресенье верующие ходят в церковь. Не надо забывать, что от посещения храма, а также причащения, исповеди, утреннего и вечернего правила десятилетиями отучали: ходить в церковь было небезопасно сначала просто для жизни, а затем для спокойной жизни. Храм посещали или пенсионеры, на которых смотрели снисходительно, или люди, способные без страха бросить вызов системе, а таких к тому

времени осталось мало. Одновременно в Европе религиозные традиции не только не прерывались, но во многих странах морально поощрялись. Трудно игнорировать влияние поведенческого стереотипа повседневной жизни человека.

Не стоит забывать, что воцерковление - трудное дело для наших религиозно невоспитанных граждан (мы говорим о людях, заявивших себя как православных, стремящихся ими стать). Отметим, что в религиозной сфере существует понятие "путь христианина". Для кого-то этот путь может оказаться легким и быстрым, но таких религиозно одаренных людей всегда было мало, а остальные начинают с малого. Путь этот не обходится без ошибок и сомнений. С точки зрения Церкви, обратиться самому - мало, надо прийти в Церковь, приобщиться к ее таинствам и научиться церковной жизни, а не замкнуться в своей индивидуальной вере. Но идентифицировать людей в качестве неправославных, если они считают себя православными, вследствие того, что не все у них соответствует церковным канонам, на наш взгляд, неправомерно: "Вера требует любви, волевого сосредоточения, усилия всей личности... вера не есть пассивное восприятие, но активное выхождение из себя, совлечение с себя тяжести этого мира. Вера требует актуальности, притом не только в первые моменты своего зарождения, но и в каждый миг своего существования. Всегда готов ослабеть и погаснуть ее трепетный огонь, и только на вершинах, у подвижников веры, сияет он ровным, невечереющим светом. Вот почему, вообще говоря, так трудно определить момент уверования и утраты веры, ибо в действительности уверование всегда и непрерывно вновь совершается, есть единый растянутый во времени акт, и всегда неверие, как темная трясина, подстерегает каждое неверное движение, каждое колебание на пути веры" [9, с. 34-35].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Варзанова Т.И.* Во что верят россияне // "НГ-Религии". № 2 (27.02.1997); № 4 (24.04.1997).
2. *Каарийainen К., Фурман Д.Е.* Верующие, атеисты и прочие (эволюция российской религиозности) // Вопросы философии. 1997. № 6. С. 35-52.
3. *Чесноков В.Ф.* Воцерковленность. Феномен и способы его изучения. М.: ФОМ, 2000. С. 4.
4. Россия. Преодоление национальной катастрофы / Под ред. *Г.В. Осипова*. М.: ИСПИ РАН, 1999. С. 162.
5. Данные содержатся в Архиве ВЦИОМа.
6. *Гараджа В.И.* Социология религии. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 219.
7. *Прот. Г. Флоровский.* Пути русского богословия. Париж, 1937.
8. *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени. М.: Русская книга, 1993.
9. *Булгаков С.Н.* Свет невечерний. М.: Республика, 1994.
10. *Фрезер Дж.* Золотая ветвь. М.: АСТ, 1988. С. 64.
11. *Морозов А.О.* Сколько православных в России // "НГ-Религии". № 10 (23.10.1997).
12. *Иеромонах Серафим Роуз.* Православие и религия будущего. Минск: Лучи Софии, 2000.